

Ревило Оливер

Книга Лоуренса Р. Брауна «Могущество Запада»

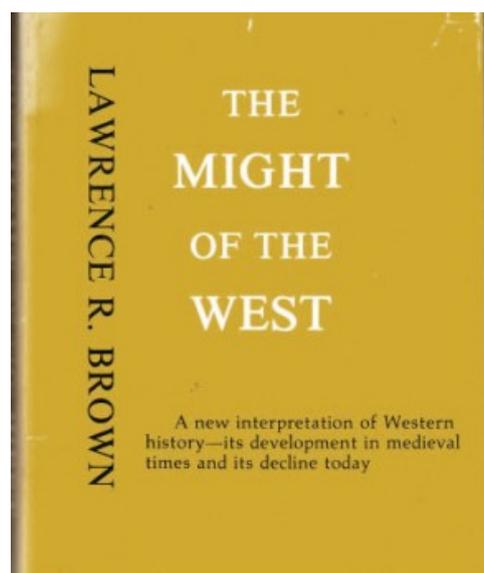
Оригинал: Revilo P. Oliver. The Might of the West

Источник: «Национальный авангард»: <http://nationalvanguard.org/2010/10/the-might-of-the-west/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Впервые опубликовано в 1979 году

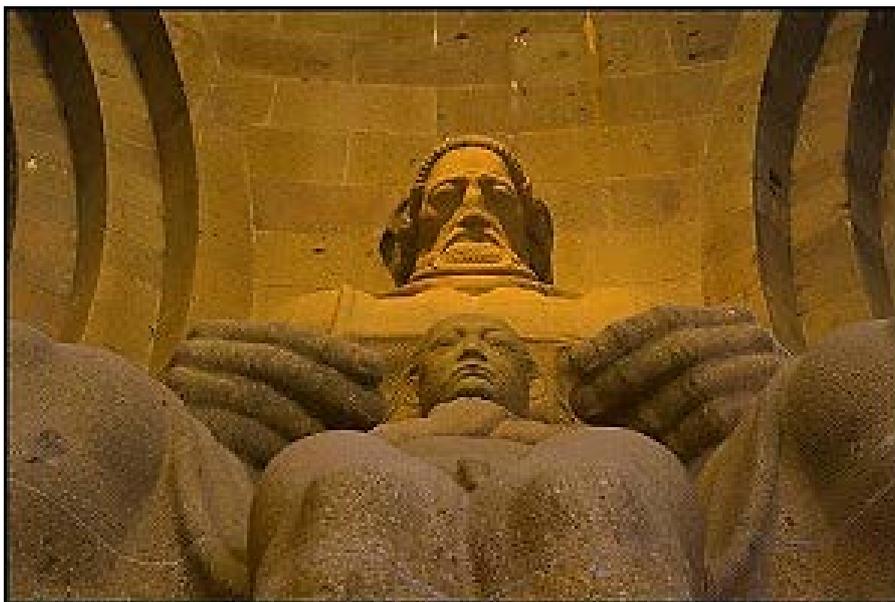
«Могущество Запада» Лоуренса Р. Брауна – одна из фундаментальных книг нашего века. Она была издана Иваном Сергеевичем Оболенским (1925-2019, русский издатель в США – прим. перев.), в 1963 году, как раз в то время, когда это издательство перешло в руки новых владельцев, которые фактически запретили книгу. Только сейчас она стала общедоступной, благодаря просвещенной щедрости молодого архитектурного дизайнера из Висконсина, который предоставил деньги на фотоофсетную репродукцию оригинального издания, по необходимости, но, к сожалению, включая его редкие типографские ошибки, несколько прискорбных искажений, и, предположительно, некоторое количество отрывков, которые автор, несомненно, захотел бы пересмотреть, поскольку весьма маловероятно, чтобы этот сильный ум ничему не научился в результате изучения и размышлений за прошедшие семнадцать лет. Однако это всего лишь мелкие изъяны в великой работе, и мы должны быть благодарны за то, что нам дано.

Обложка книги: Lawrence R. Brown, The Might of the West, 1963

Исследование причин возникновения и падения наций и цивилизаций по меньшей мере так же старо, как Геродот, но изучение проблемы в том виде, в каком она предстает перед нами так остро и актуально, можно сказать, начинается с работы Теодора Функа-Брентано *La Civilisation et ses lois* («Цивилизация и ее законы», 1876 г.), за которой последовали такие известные работы, как «Закон цивилизации и упадка» Брукса Адамса (1896 г.) и «Кульминация цивилизации» Корреа Мойлана Уолша (1917 г.). Все эти более ранние работы, однако, настолько сильно затмил авторитетный и знаменитый труд Освальда Шпенглера *Untergang des Abendlandes* («Закат Европы», 1918–1922), что все последующие работы на эту тему должны определяться ссылками на Шпенглера, хотя ход истории с 1922 года показал, что Шпенглер не принял во внимание некоторые силы, которые сильно исказили развитие нашей цивилизации, если не других.

Хотя цель господина Брауна состоит в том, чтобы осветить истинную природу и жизненную силу нашей культуры, а не сформулировать общие законы исторических изменений, он вслед за Шпенглером рассматривает нашу западную цивилизацию как уникальную и обособленную, не имеющую органической связи с какой-либо другой цивилизацией: она началась около 800 года нашей эры и привела нас к нашему катастрофическому настоящему. Браун, однако, отбросил шпенглеровское представление о цивилизации как о квазибиологическом организме с фиксированной продолжительностью жизни, из которого следовало, что Запад сейчас дряхлый и, подобно старику, не имеет будущего, кроме неизбежного упадка жизненной силы, предшествующего неминуемой смерти. Таким образом, в этом отношении философия господина Брауна, как он ее сформулировал в 1963 году, в основном оптимистична. Далекие от того, чтобы быть обреченными какой-то внутренней или внешней судьбой, мы, жители Запада, если только опомнимся и поймем, кто мы есть на самом деле, возможно, только начинаем великую эпоху нашей цивилизации.

Как и Шпенглер, Лоуренс Браун идентифицирует египетскую, вавилонскую, индийскую (индуистскую) и китайскую цивилизации как отличные от нашей. Он кратко описывает их политическое развитие и их достижения в области механики, архитектуры и искусства, за заметным исключением литературы, к которой он явно испытывает безразличие, если не пренебрежение. Он также признает «магическую» культуру Шпенглера, но использует термин «левантийская» для ее обозначения, уделяя особое внимание господствующим в ней суевериям и породившему их менталитету. Эти другие культуры, и даже классическая культура античных греков и римлян, описываются им в целях противопоставления, поскольку господин Браун, который сомневается в возможности установления исторической причинно-следственной связи, пишет для того, чтобы мы могли «обнаружить нашу утраченную идентичность».

Он приводит веские аргументы – я бы сказал, более сильные, чем Шпенглер, – в пользу независимости европейской цивилизации, и он в высшей степени прав, делая главным критерием великую технику и научный метод, которые составляют истинную славу и уникальное творение нашей культуры. Наша цивилизация, по его указанию, зародилась во времена Карла Великого и прошла через процесс, который Шпенглер называет псевдоморфозой, посредством которого молодые народы, выходящие из варварства, перенимают некоторые внешние формы и усваивают более продвинутые формы цивилизации. Мы очень мало переняли от классического античного и многое от левантийского мира, который был представлен и Византией, и исламом. Но нам не удалось – в то время и с тех пор – устранить чужеродные элементы после того, как они выполнили свою задачу, и именно поэтому Западу выпала печальная судьба быть «обществом, внутренние убеждения которого безнадежно расходятся с его внешними исповеданиями».

Европейская цивилизация развивала великую силу, которая была предопределена ее уникальным менталитетом, и постепенно изгоняла чужеродные элементы, которые она впитала в себя с самого начала, когда ее прогресс был остановлен катастрофическим повторным появлением этих чужеродных элементов, которые, таким образом, стали господствовать и извращать его на протяжении столетий. Этими двумя смертельными ядами были христианство и гуманизм, которые господин Браун рассматривает как одновременные и взаимодополняющие инфекции массового сознания, а не как сущностно противоположные силы. Соответственно, он видит «Возрождение и Реформацию как два проявления одного и того же отступления от строгих моральных и интеллектуальных обязательств западной цивилизации».

«Могущество Запада» дает нам самое ясное и убедительное описание интеллектуального развития нашей цивилизации в Средние века, которое я когда-либо видел. Как семена прорастают под слоем удобряющего компоста и выпускают свои ростки сквозь него, так и врожденная рациональность нашей расы выросла под защитной мантией ее религии.

Схоласты стремились сделать христианский культ логически понятным и в то же время фактически основали современную математику. Лучшие умы увидели сквозь завесу христианского невежества и заново открыли такие фундаментальные факты реального мира, как шарообразность Земли. Технологии, источник нашей уникальной силы, стали все больше и больше обуздывать силы природы, например, строя ветряные и водяные мельницы, разводя крепких упряжных лошадей, изобретая для них эффективную упряжь и так искусно вычисляя напряжения, что стала возможной дерзко парящая архитектура готики.

Более того, феодальные правители формально соглашались с религией, но вели свои дела с мирской благоразумной осмотрительностью, в то время как хорошее общество настаивало на соблюдении стандартов личной чести, честности, доблести и рыцарского благородства, которые не были одобрены предполагаемыми откровениями их божества. Христианство постепенно, но верно цивилизовывалось.

Наши современники обычно принимают как трюизм мнение о том, что умы людей были скованы суевериями о сверхъестественном, пока они не были освобождены гуманизмом эпохи Возрождения, но вдумчивые исследователи, по крайней мере, признают, что это утверждение вызывает сомнения. Эгон Фридель, возможно, не сильно преувеличивает, когда в первом томе своей «Культурной истории Нового времени» (*Kulturgeschichte der Neuzeit*) утверждает, что номинализм, ставший последним и величайшим триумфом схоластики и предшествовавший даже самым ранним проявлениям Ренессанса, оказал более решающее влияние на мировосприятие нашей истории, чем изобретение пороха или книгопечатания.

Номинализм осветил непреодолимую пропасть между нашими расово-инстинктивными стандартами морали и сказками из Библии. Он не подвергал сомнению историчность этих историй и не отвергал прямо эту религию, но делал неоспоримым тот факт, что тот бог, который был сообщником евреев, когда они обманывали египтян и крали их имущество, явно оскорблял наше представление о справедливости. Единственный выход из этой дилеммы состоял в том, чтобы считать справедливым все, что делал этот своенравный и свирепый старый бог, как бы отвратительно для нас ни было его поведение. Могло ли католическое единство христианского мира сохраниться на неопределенное время после этой аргументации?

Для любого непредвзятого ума протестантская Реформация была катастрофой. Европа была раздроблена непримиримой ненавистью, которая сохраняется и по сей день. Велись бесконечные и почти бесчисленные войны, не преследующие рациональные политические или экономические цели, а в безумном стремлении навязать темные и парадоксальные доктрины, которые сегодня

различные христианские секты отвергли как ничтожные или иллюзорные. Более двух столетий лучшая кровь Европы непрестанно заливала поля сражений и омывала городские улицы, когда люди, восплаившие благочестивой жаждой крови, истребляли своих сородичей в отчаянных попытках вызволить своего всемогущего бога из лап антихриста.

Генетическая потеря, которая тяжелее всего обрушилась на северные страны, была настолько велика, что не поддается учету. По оценкам историков, только в одной из многих религиозных войн погибло две трети населения Германии; и, хотя это крайний пример силы Веры, каждая страна в Европе пожертвовала частью своего населения, чтобы угодить Яхве.

Интеллектуальные и моральные катастрофы не уступали генетическим. На протяжении более двух столетий большая часть интеллектуальной энергии Европы, которая могла бы быть посвящена точным и полезным гуманитарным наукам, отвлекалась от задач цивилизации и растрачивалась на бесконечные споры о святых духах, гоблинах и ведьмах. В своих усилиях по разгадке божьих загадок духовенство с обеих сторон должно было выучить родной язык бога, иврит, и родственные ему диалекты; еврейское влияние стало преобладающим, иногда главенствующим, как через Ветхий Завет, так и через теософское бахвальство каббалы. А с протестантской стороны раздробленность продолжалась до тех пор, пока какой-нибудь сумасбродный портной, недвольная жена или хитрый аферист не могли получить откровение о том, что на самом деле означают библейские загадки, и начать свой бизнес в роли ересиарха.

В Средние века, правда, были вспышки религиозной истерии, но Церковь их сдерживала. С Реформацией лихорадка мозга стала эпидемией. Новым в этом было то, что библейские тексты использовались для разжигания революционной агитации в массах и гражданских войн. Предвидели или нет зачинщики последствия своего поджога, но пламя, однажды разгоревшись, превратилось в пожарище, охватившее всю Европу и духовно отупившее ее на века и даже до наших дней, особенно теперь в таких в основе своей христианских ересьях, как марксизм и «либерализм», которые утверждают, что они атеистичны, но, очевидно, должны верить в дьявола, чьих злонамеренных учеников, особенно «фашистов» и «расистов», они справедливо жаждут истребить.

Что поразительно в «Могуществе Запада», так это определение гуманизма как еще одной смертоносной псевдоморфозы. Принято считать, что Ренессанс был противоядием от христианства, и некоторые ученые, такие как Эмиль Калло, не только признают Реформацию (я перевожу) «насильственным регрессом к Средневековью, посредством которого прозрачный поток древней мудрости был заражен на протяжении двух столетий», но утверждают, что, строго говоря, Реформация была фактическим концом Ренессанса.

Господин Браун смотрит на дело совсем по-другому. Для него Ренессанс был второй и одновременной катастрофой. Это была псевдоморфоза, попытка реанимировать античную цивилизацию, не имевшую законной связи с нашей, навязав тем самым пагубную иллюзию, которая надолго исказила нашу культуру и, подобно Реформации, не дала нам осознать свою истинную идентичность. Таким образом, он аккуратно оскорбил как легковых, так и образованных наших современников.

Прав ли автор «Могущества Запада» или нет, но следует заметить, что он пишет с полемической враждебностью против греко-римской культуры, часто недооценивает или искажает факты, а иногда его собственный полемический пыл приводит к смехотворным утверждениям, из которых самое худшее можно найти в его сравнении индуистской и классической культур на странице 121. Мистер Браун очень хорошо знает, что Парфенон построен не из дерева; что Афины были талассократией, а Рим был великой морской державой после 260 года до нашей эры; что стихи Гомера не были впервые записаны во времена Марка Аврелия; что греческий алфавит использовался за девять столетий до этого времени; и что на греческом языке писали (слоговым письмом), и записи сохранились еще в тринадцатом веке до нашей эры. Господин Браун, конечно, все это знал, но вспыльчивость на мгновение взяла над ним верх, и рассудительный читатель, даже если и не снисходительный, пропустит эту и другие оплошности, которые на самом деле не имеют отношения к основному аргументу автора.

Пренебрежительное отношение господина Брауна к классической античной цивилизации и его уверенность в том, что она чужда нашей, основаны на том, что грекам и римлянам не удалось разработать сопоставимую технологию. Возможно, он был менее великодушен, когда не упомянул, что эпистемология Новой Академии, известная всем благодаря «Академике» Цицерона, является как раз тем, что считается само собой разумеющимся в методологии современной науки, но проблема реальна, и я не утверждаю, что знаю ответ.

Является ли технология единственным критерием? И нет ли радикальной разницы между двумя примерами псевдоморфозы господина Брауна? Религиозная псевдоморфоза была внедрена в нашу культуру с самого ее зарождения, усилена страхом перед грозным богом, в существовании и могуществе которого не сомневались, и с самого начала стала основой всей общественной организации.

Если гуманизм и был псевдоморфозой, то он был спонтанно и добровольно принят Европой, когда наша цивилизация, как показывает сам господин Браун, находилась на весьма продвинутой стадии. Он не соответствовал ни политическому, ни социальному, ни экономическому императиву; он не поощрялся какой-либо организацией или классом в собственных интересах; и он

настолько понравился умам нашей расы, что восторжествовал над решительным и энергичным сопротивлением значительной части христианского духовенства, которое справедливо предвидело в нем угрозу своему бизнесу. И действительно я узнаю из еврейской газеты *Jewish Chronicle* (Лондон), что даже сегодня активное восхищение классической культурой является «борьбой с иудео-христианской традицией» и что нечто столь ужасающее «антисемитское» должно быть подавлено, как «фашизм». Классический мир древности должен был пленить современный ум каким-то очарованием, красотой или мировоззрением, присущим его сохранившейся литературе. С конца пятнадцатого до начала двадцатого века наша цивилизация добровольно настолько идентифицировала себя с греко-римской, что посвящала большую часть юности каждого образованного человека чрезвычайно трудной и даже мучительной задаче настолько хорошо овладеть формами и методами классической мысли, что он мог думать непосредственно на латинском и древнегреческом языках и, таким образом, сочинять и прозу, и стихи на этих языках в соответствии с самыми чистыми образцами и самыми строгими стандартами. Для такого огромного расхода интеллектуальной энергии нет аналогов в письменной истории. И если это была псевдоморфоза, то чем объясняется такая сильная, такая спонтанная и такая непрерывная галлюцинация?

Почему Запад с восхищением обратился к античности, ясно, даже если мы вслед за господином Брауном отказываемся придавать какое-либо значение тому факту, что классическая и западная цивилизации – единственные две цивилизации, созданные людьми нордической расы и процветавшие до тех пор, пока люди нордической расы оставались доминирующими в своих странах. Помимо красоты непревзойденной литературы и помимо исторического реализма, которому мы учимся у Фукидида и Тацита, современный мир искал в античной древности систему гражданской этики и политической жизни. Великие люди древности, как описывается их жизнь, например, в биографиях Плутарха, подчинялись стандартам личной чести и благоразумия, которыми мы инстинктивно восхищаемся, хотя христианство их осуждает.

Цицероном, например, действительно восхищались за его красноречие, но не меньше за его видение и преданность Республике. И, как хорошо известно господину Брауну, именно греко-римская концепция смешанной конституции (Цицерон, Полибий, Аристотель) в итоге привела к созданию Конституции Соединенных Штатов.

И вот, наконец, мы подошли к сути проблемы. Когда я впервые прочитал захватывающее дух утверждение господина Брауна о том, что грекам и римлянам не хватало «чувства политики», я подумал, что это просто еще одна порожденная страстностью автора описка. Но я думаю, что он имел в виду именно то, что сказал, хотя и воздержался от развития своей точки зрения. Одной из характеристик, которая наиболее резко отличает классическую цивилизацию от всех других, кроме нашей, является представление о том, что

высокоцивилизованный народ способен к самоуправлению через избранных должностных лиц.

Греки и римляне, пока они контролировали свои страны, были преданы демократии в древнем смысле этого слова, то есть правительству, политика которого определяется ограниченным кругом ответственных граждан, которые должны быть свободны, как в экономическом, так и в политическом отношении, и, таким образом, обязательно поддерживаться подчиненной массой рабов или их эквивалентом. Излишне говорить, что нынешнее представление о том, что каждый антропоид имеет право голоса для выражения своих прихотей, является формой бессвязного идиотизма, неведомого в Античности. Все политические конвульсии греко-римской истории были вызваны либо разногласиями внутри ограниченного круга граждан, либо спорами о наиболее целесообразном расширении или сужении права голоса.

Верно то, что ни одному древнему государству никогда не удавалось стабилизировать конституцию, с помощью которой избирательное право было бы так хорошо отрегулировано, что оно было бы достаточно большим, чтобы предотвратить правление корыстных клик, и достаточно маленьким, чтобы исключить безответственных и невежественных, но принцип, согласно которому свободные и ответственные граждане (за исключением рабов, пролетариев и инородцев) были суверенны, сохранялся даже в Римской империи до тех пор, пока римляне не были вытеснены потомками их бывших рабов и подданных, особенно коварными левантийцами, для радикально отличающегося менталитета которых само понятие политической свободы и личного самоуважения было по-детски глупым, несерьезным и отвратительным.

И если правда, что одержимость наших людей системами выборного правительства возникла из попытки подражать политике цивилизации, литературой которой мы восхищаемся, тогда Ренессанс был, как утверждает господин Браун, псевдоморфозой, и практически все наши политические теории с шестнадцатого века были чуждым заимствованием, которому Запад из-за грубого непонимания самого себя позволил извратить свою собственную природу и довести ее до бесконечной череды бедствий. Истинная форма западного правления, таким образом, должна быть найдена в стабильной иерархической системе, основанной на личной лояльности и статусе в практически закрытом обществе, предпочтительно в феодальной системе в ее лучшем проявлении или в приспособлении средневекового строя к нынешним условиям. Ближайший крах охлократии, которой сейчас бездумно преданы американцы, придаст убедительности этому предположению.

Если Ренессанс был огромной псевдоморфозой, мы должны признать полную глупость попыток подражать мертвой и чуждой цивилизации в безумной надежде на то, что мы сможем добиться успеха там, где она, как известно,

потерпела неудачу. Поэтому мы должны очистить свой разум от самого понятия правления большинства и всего, что оно подразумевает. Недостаточно признать самоубийственное безумие, которое ныне превратило нас в рабов во власти наших паразитов и вечных врагов, ибо столь же неестественно было бы наделить властью законное большинство ответственных граждан.

Мы должны отказаться даже от аристократических мечтаний о правлении большинства тщательно избранного меньшинства. Бесполезно задаваться вопросом, была ли Конституция США несостоятельной из-за слишком низких требований к собственности, дающих право мужчинам голосовать, или из-за того, что она не запрещала иммиграцию евреев и других неассимилируемых иностранцев. Бесполезно размышлять о том, можно ли было бы сохранить принцип свободы человека и республиканское правление, если бы Конфедерация победила фанатичных захватчиков и отстояла свою независимость. Абсурдно рассматривать, как сейчас делают некоторые из наших более умных современников, создание жизнеспособного общества путем воскрешения сервианской конституции, описанной в «О государстве» Цицерона, заменяя критерий собственности критериями измеряемого интеллекта или расовой чистоты.

Сама концепция самоуправления подобна астрономии Птолемея, которую нельзя было бы спасти, введя больше эпициклов или видоизменив ее, как это сделал Тихо Браге, чтобы устранить более вопиющие несоответствия; отказаться нужно было от самой ее основной идеи о том, что небеса вращаются вокруг Земли, а не наоборот.

Если Ренессанс был заблуждением, то мы обманываем себя до тех пор, пока возимся с греко-римской идеей самоуправления, фатально обманывая себя относительно природы западного человека. В нашей цивилизации естественное и необходимое правительство должно быть не только полностью авторитарным, но и должно быть таким, внутренняя структура и цели которого скрыты от большинства посредством какой-либо религии или эквивалентной веры, с помощью религии или эквивалентной веры, которой граждане и массы будут слепо и беспрекословно подчиняться. Господин Браун недвусмысленно предупреждает нас:

«Мы не должны обманывать себя, полагая, что ядро и источник силы западной цивилизации когда-либо смогут завоевать сознательные аплодисменты большей части жителей Запада. Бессознательно они живут в соответствии со стандартами своей цивилизации и дорожат ими, но интеллектуальное признание этих стандартов идет вразрез с таким количеством требований самоуважения и самооправдания, с детскими надеждами и жалкими мечтами, что большинство людей никогда не смогут на словах признаться в этом даже тайно самим себе.

Из этого следует, что, пока существует наша цивилизация, наше общество обязательно должно быть «эзотерическим, а не популярным обществом». Если Запад хочет уберечься от смерти, которая сейчас кажется неминуемой, он должен быть снова взят под контроль западных умов, которые, какие бы внешние исповедания они ни сочли целесообразными, будут признавать и поощрять, тихо и более или менее тайно ту неумолимо объективную науку, которая «создала уникальное величие нашего общества».

Было замечено, что проблема того, связана ли наша цивилизация по своей фундаментальной природе с классической или полностью независима от нее, имеет для нас непосредственные и радикальные последствия. Я стремился разъяснить этот вопрос, а не ответить на него. Добавлю только, что, хотя господин Браун признает, что «связь между биологией и цивилизацией является очевидным историческим фактом», и хотя он понимает, что левантийский менталитет совершенно несовместим с нашим и враждебен ему, он не принимает во внимание тот, возможно, весьма важный факт, что классическая цивилизация, как и все цивилизации, известные истории, пришла в упадок и погибла с вырождением, расовым смешением и вытеснением той расы, которая ее создала.

Какое бы значение мы ни придавали этому факту, я думаю, мы можем быть уверены, что господин Браун понимает, что его собственные предпосылки требуют расовой однородности, по крайней мере, в элите Запада, и что только научно строгая система евгеники может произвести людей с теми редкими интеллектуальными способностями и редкой самоотверженностью, которые делают их способными и готовыми нести огромное бремя высокой цивилизации.

Каждый читатель должен решить для себя, какую часть анализа господина Брауна он примет, но при этом ему придется столкнуться с тем фактом, что «величайшая этическая проблема нашей жизни состоит в том, чтобы сохранить наше общество живым». Слово «этический» выбрано удачно, ибо не может быть нравственности выше той, которая избавит нас от «разрухи, ради достижения которой мы сражались в двух мировых войнах». Одного этого глубокого понимания было бы достаточно, чтобы сделать «Могущество Запада» одним из величайших достижений западного ума.

Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.